

ХУДОЖЕСТВЕННО-КОМПОЗИЦИОННЫЙ СМЫСЛ ПРИЕМА ЛОГИЧЕСКОЙ ГРАДАЦИИ СЛОВ В РОМАНЕ «ЧТО ДЕЛАТЬ?» Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Т. М. Уздеева

Чеченский государственный университет

Поступила в редакцию 12 октября 2015 г.

Аннотация: в данной статье автор рассматривает роман «Что делать?» с художественно-эстетической стороны. Выясняется трансформация излюбленных повторяющихся слов в романе. Автор исследует эмоциональный, идеологический контекст их употребления в художественном тексте, интенсивность их употребления. Слова «обыкновенный», «особенный», «веселье», «радость», «счастье» исследованы как в их нейтральных лексических значениях, так и в оценочных функциях. В статье обозначена идейно-художественная, композиционная функция приема логической градации слов в романе «Что делать?».

Ключевые слова: логическая градация, авторская игра, акцентирование, лексическое значение.

Abstract: in this article, the author examines the novel "What to do?" with the artistic and aesthetic side. It turns transformation favorite repeated words in the novel. The author explores the emotional and ideological context of their use in a literary text. The word "ordinary", "special", "fun", "joy", "happiness" studied in their neutral lexical meanings, and in the evaluation function. Studied first novel, which is set on the basis of the intensity of their use. The article indicated by ideological and artistic, compositional input is logical gradation words in the novel "What to do?".

Key words: logical gradation, the author's game, emphasis, lexical meaning.

В романе «Что делать?» Н. Г. Чернышевского есть слова, излюбленные рассказчиком, типа «обыкновенный», «особенный», «веселье», «радость», «счастье» (с вариациями) и некоторые другие. Нейтральные, с достаточно стершимися эмоциональными значениями, они сначала бросаются в глаза читателю навязчивостью их употребления, но вскоре становится ясно, что в ходе повествования вокруг этих слов создается особая эмоциональная и идеологическая атмосфера, так что значение слов переосмысливается, и в контексте романа их действительное смысловое наполнение оказывается не только идеологически актуальным, но и просто несоизмеримым с их исходным лексическим значением. Важнее всего при этом то обстоятельство, что эффект такого переосмысления достигается художественными средствами.

Рассмотрим ряд примеров, связанных с употреблением в романе Чернышевского слов «обыкновенный» и «особенный». Их рассмотрение важно потому, что именно эти слова выступают в тексте романа как авторские оценки-характеристики всех главных его героев.

Уже в первой фразе I главы романа, с которой начинается «серьезное», а не пародийное повествование, каким был предшествующий этой главе вступительный эпизод; мы читаем: «Воспитание Веры Павловны было очень *обыкновенное*. Жизнь ее до знакомства с медицинским студентом Лопуховым представляла

кое-что *замечательное, но не особенное*. А в поступках ее уже и тогда было кое-что *особенное*» [1, 15]. Здесь четко обозначен тематический угол зрения, которым определится в дальнейшем отбор повествовательного материала. Но указание на тему и критерий отбора материала дано рассказчиком так, что обращает на себя внимание прежде всего логическая градация оценочных слов («обыкновенное» – «замечательное» – «особенное») в соединении с предметными сферами, освещаемыми этими словами (слово «обыкновенное» прилагается к воспитанию героини; слово «замечательное» – к ее жизни; слово «особенное» – к ее поступкам). Сама градация ясна и точна, тогда как смысловые границы оценочных слов, составляющих градацию, остаются не уточненными и не вполне ясными для читателя. Ему как бы предлагается некоторая оценка, но не раскрывается ее конкретный смысл. Однако именно эта оценка вызывает читательский интерес, хотя читатель еще не отдает себе отчета в том, что это уже интерес к предлагаемой романистом системе осмысления фактов, а не только традиционное ожидание художественных впечатлений. Таким образом, указанная логическая градация с самого начала претендует на роль классификационного и оценочного критерия не только по отношению к материалу I главы, но и по отношению к роману в целом.

В дальнейшем тексте романа интенсивность употребления рассказчиком слов «обыкновенный» и «особенный» в их нейтральных лексических значениях и в их оценочной функции примерно одина-

кова. Но при использовании этих слов как оценок рассказчик постоянно изменяет объем их оценочных значений, опираясь на антонимическую противоположность их же лексических значений и подставляя вместо одной оценки противоположную. Такая «игра» была бы нарочитой, если бы не совершалась на фоне заметного для читателя использования данных слов также и в значениях, совпадающих с языковой нормой¹.

Проанализируем сначала приемы авторской «игры» значениями слов «обыкновенный» и «особенный», а затем проследим и саму «игру» противоположными оценками в ходе повествования.

Прежде всего обратим внимание на случаи функционального или стилистического выделения данных слов при сохранении ими лексикостилистических значений, совпадающих с языковой нормой.

Первую группу такого рода примеров составят случаи, когда конкретный смысл слова в данном контексте оказывается обусловленным либо одним из ранее рассказанных эпизодов, либо вообще всем рассказанным.

Лопухов спрашивает Верочку на вечере в день ее рождения: «Кого вы больше всех любите? – я говорю не про эту любовь, – но из родных, из подруг?» Она отвечает ему: «Кажется, никого *особенно*... Но нет, недавно мне встретила одна очень странная женщина. ...Мы виделись по совершенно *особенному* случаю...» [1, 58]. «Странная женщина» и «особенный случай» остаются в данном разговоре нераскрытыми для Лопухова, но не для читателя: о Жюли и обстоятельствах знакомства с нею Верочки рассказывалось в I главе; поэтому «особенный случай» здесь — напоминание читателю о ранее прочитанном.

Во время другого разговора с Лопуховым Верочка так отвечает на его удивленный вопрос о том, откуда она набралась мыслей об устройстве семейного быта, совпадающих, по мнению Лопухова, с последними выводами науки по этому вопросу: «Ах, мой милый, да разве трудно до этого додуматься? Ведь я видала семейную жизнь, – я говорю не про свою семью: она такая *особенная*, – но ведь у меня есть же подруги, я же бывала в их семьях; боже

1 Нормой мы называем такой случай употребления слова, когда его лексико-стилистическое значение нейтрально, а целесообразность употребления ясна из контекста данной фразы или данной ситуации. Например: «Сторешников чаще и чаще начал думать: а что, как я в самом деле возьму да женюсь на ней? С ним произошел случай, очень обыкновенный в жизни не только людей несамостоятельных в его роде, а даже и людей с независимым характером» (гл. I, разд. VII, с. 36); «Он (Лопухов. – Т. У.) отправился на, свои обыкновенные занятия» (гл. III, разд. VII, с. 144); «Подыскивались и особенные случаи получать деньги» (гл. I, разд. I, с. 16); «Они (девушки. – Т. У.) согласились, что Вера Павловна отказывается от особенной доли прибыли не из самолюбия, а потому, что так нужно по сущности дела» (гл. III, разд. IV, с. 133).

мой, сколько неприятностей между мужьями и женами...» [1, 95–96]. Почему семья Розальских названа здесь «особенной»? Ее порядки, отношения между супругами, между родителями и детьми, источники и средства ее материального существования изображались рассказчиком все время как очень обыкновенные, а в речи Верочки все это выглядит вдруг «особенным». За этим словом в данном случае стоит и наивность героини, и та специфическая точка зрения, с которой в разговоре Веры с Лопуховым рассматривается вопрос. И оба эти аспекта подчеркиваются именно тем, что взаимоотношения Марьи Алексеевны и Павла Константиновича вдруг получают неожиданное освещение как необычные, нехарактерные, «особенные». И они действительно не характерны для супругов, которые любят друг друга, а ведь именно любовь признается Лопуховым и Верой – с точки зрения разделяемой ими теории – как предварительное и необходимое условие семьи. Но чтобы этот смысловой комплекс возник в сознании читателя, ему необходимо разом вспомнить все то, что до сих пор ему было рассказано о «жизни Веры Павловны в родительском семействе».

Наконец, значительно позже, в IV главе романа, Вера Павловна так говорит по поводу своего решения заняться медициной: «Конечно, пробивать новую дорогу тяжело. Но мое положение в этом деле *особенно* выгодно» [1, 264]. Лексическое значение слова «особенно» в контексте данного высказывания вполне обычно. И все-таки за ним стоит напоминание того, что было раньше сказано читателю о «новых людях», их принципах, их отношениях друг к другу. Конечно, «особенно выгодно» в положении Веры Павловны то, что она свободна от материальных забот, что муж ее не будет возражать против ее занятий медициной, что сам он медик, и она может рассчитывать не только на его консультации или руководство, но и на его готовность допустить ее в свою клинику. Это – контекст ситуации. Но сама эта ситуация не является результатом счастливого, но случайного стечения обстоятельств. Поэтому «особенно выгодно» для Веры Павловны также и то, что ее желание с точки зрения «новых людей» – «исторический случай» и, следовательно, оно будет не только воспринято всеми ими с благожелательностью, но будет защищаться с тем энтузиазмом и активностью, на которые только они одни способны в современном обществе.

Вторую группу примеров составляют случаи такого употребления интересующих нас слов, когда они, так или иначе, акцентируются в ходе повествования.

«...Ты должен бывать у нас. Что тут *особенного*? Ведь мы же с тобою приятели. Что *особенного* в моей просьбе?» – говорит Лопухов в начале своего «теоретического разговора» с Кирсановым, давая ему понять цель своего визита. Затем, когда Кирсанов его понял, он повторяет ту же мысль, с той же инто-

нацией, но с характерной заменой ранее подчеркнутого слова синонимом: «Нет, я ничего не понимаю, Александр. Я не знаю, о чем ты толкуешь. Тебе угодно видеть какой-то удивительный смысл в простой просьбе твоего приятеля...» [1, 185–186]. Сначала, как мы видим, слово «особенный» употреблено дважды и тем самым акцентировано, вследствие чего оказывается акцентированным и подтекст, заключающийся в содержании просьбы Лопухова. А само слово указывает на нечто, противоположное своему прямому смыслу. Во второй раз Лопухов избегает употребления этого слова, заменяя его синонимом. Благодаря этому выявленный ранее подтекст закрыт, вычеркнут из разговора, и «теоретический разговор» получает возможность продолжаться на необходимом «отвлеченном» уровне.

Другой пример: «Лопухов успел написать и отдать Маше записку к Кирсанову на случай, если он придет. „Александр, не входи теперь, и не приезжай до времени, *особенного* ничего нет и не будет, только надобно отдохнуть”. Надобно отдохнуть, и нет ничего *особенного*, – хорошее сочетание слов» [1, 193]. Слово «особенное» используется здесь рассказчиком для того, чтобы задержать внимание читателя на фабульной ситуации, и повторное его употребление – в авторской реплике – намекает как раз на «необыкновенность» случившегося, вопреки прямому утверждению записки Лопухова. В обоих приведенных примерах акцентирование слов происходит в результате «игрового» их использования для нужд повествования.

Имеются случаи смыслового акцентирования слов и далее. Например: «Он целый вечер не сводил с нее глаз, и ей ни разу не подумалось в этот вечер, что он делает над собой усилие, чтобы быть нежным, и этот вечер был одним из самых радостных в ее жизни, по крайней мере до сих пор; через несколько лет после того, как я рассказываю вам о ней, у ней будет много таких целых дней, месяцев, годов: это будет, когда подрастут ее дети, и она будет видеть их людьми, достойными счастья и счастливыми. Эта радость выше всех других личных радостей; что во всякой другой личной радости редкая, мимолетная высота, то в ней *обыкновенный уровень каждого обыкновенного дня*. Но это еще в будущем для нее» [1, 181]. Слово акцентировано двояко: во-первых, тем, что оно употребляется дважды; во-вторых, тем, что оно помещается в высшей точке логического и речевого периода. Поэтому все высказывание, в котором многообразно варьируется тема «радости» и «счастья», становится корректирующей дефиницией по отношению к слову «обыкновенный».

Акцент может создаваться также путем синонимического уточнения или усиления. Например, «... Когда он уехал в Москву, я видела, что он задумал что-то *особенное*... Я предчувствовала, что готовится что-то *решительное, крутое*» [1, 247]. Или: «Вы спас-

лись только благодаря *особенному, редкому случаю*, что дело попало в руки такого человека, как Александр. ...Вы сами сказали, что это *исключительный* случай. Правило не то» [1, 327–328].

Последние примеры любопытны тем, что они могут быть также отнесены по своему типу к примерам первой группы. Оба они находятся в последних главах романа, когда характер «новых людей» и смысл их поступков и принципов уже вполне разъяснены читателю. Поэтому простого ряда синонимов оказывается, с одной стороны, достаточно, чтобы вызвать в сознании читателя весь образно-идеологический комплекс, связанный с пониманием и оценкой действий того или иного героя из «новых», а с другой стороны, это в то же время и необходимо, чтобы открылось действительное содержание каждого из этих высказываний.

В тексте романа есть три случая повторного употребления логической градации в ее полном трехчленном виде. Вот один из них:

«Было в мастерской еще несколько историй, не таких уголовных, но тоже невеселых: истории *обыкновенные*, те, от которых девушкам бывают долгие слезы, а молодым или пожилым людям – недолгое, но приятное развлечение. Вера Павловна знала, что при нынешних понятиях и обстоятельствах эти истории неизбежны. ...Все-таки каждая из этих *обыкновенных* историй приносила Вере Павловне много огорчения... Но гораздо больше – о, гораздо больше! – было радости. Да все было радость, кроме огорчений; а ведь огорчения были только отдельными, да и редкими случаями... Светел и весел был весь обыденный ход дела, постоянно радовал Веру Павловну. А если и бывали иногда в нем тяжелые нарушения от огорчений, за них вознаграждали и *особенные* радостные случаи, которые встречались чаще огорчений...» [1, 138].

Это случай скрытого, непрямого употребления логической градации. Слова, обозначающие крайние члены градации, здесь налицо, но они не соотношены в пределах данного высказывания непосредственно друг с другом. Сначала говорится об историях «невеселых», но «неизбежных» «при нынешних понятиях и обстоятельствах»; именно они называются «обыкновенными». Это – содержательная их оценка. Вслед за тем в эту оценку вносится поправка: «обыкновенные истории» оказываются «только отдельными, да и редкими случаями», т. е. рассказчик от содержательной оценки переходит к оценке количественной. Такой переход является одновременно переходом к средней ступени логической градации: «обыкновенные истории» выглядят уже как «отдельные», «редкие», т. е., согласно авторской оценочной формуле, «замечательные» случаи. После этого происходит новый содержательный скачок: мысль рассказчика смещается, и на логическом уровне «обыкновенного» оказывается – «радость»: «Светел и весел был весь обыденный ход дела, постоянно

радовал Веру Павловну». Слово «обыденный» в данном контексте тождественно слову «обыкновенный» и даже напоминает его по своему звуковому составу. После этого уточняется само градуирование – вниз и вверх от среднего уровня: вниз от «обыденного хода дела» – «тяжелые нарушения от огорчений»; вверх – «особенные радостные случаи». Но в самом начале высказывания то, что теперь называется «тяжелыми нарушениями от огорчений», было названо «обыкновенными историями». Таким образом, все три уровня градации налицо, хотя их лексическое оформление в данном случае неполно: слово «замечательный» отсутствует, и вообще градуирование не вполне совпадает с первоначальной схемой в ее простом виде. Это происходит в результате смыслового корректирования самого понятия «обыкновенный», которое вбирает в себя такие определения, как «радость», «веселье», «свет». Именно этим обстоятельством объясняется смещение лексических рядов по сравнению с исходными логическими рядами и отсутствие слова «замечательный» для обозначения среднего ряда градации.

Два других случая² представляют собою примеры употребления трехчленной градации в усиленном и ослабленном виде. Они показывают, что в тексте романа логическая градация употребляется не только при наличии того идеологического содержания, ради которого она появилась в романе, но и сама по себе. Рассказчик повторяет в них не самую оценочно-понятийную формулу, а как бы только логическую конструкцию, лежащую в ее основе.

²«Однажды — это было уже под конец лета — девушки собрались, по обыкновению, в воскресенье на загородную прогулку. Летом они почти каждый праздник ездили на лодках, на Острова. Вера Павловна обыкновенно ездила с ними, в этот раз поехал и Дмитрий Сергеевич, вот почему прогулка и была замечательна: его спутничество было редкостью, и в то лето он ехал еще только во второй раз. Мастерская, узнав об этом, осталась очень довольна: Вера Павловна будет еще веселее обыкновенного, и надобно ждать, что прогулка будет особенно, особенно одушевлена» (гл. III, разд. VI, с. 142). Здесь налицо все три члена градации; каждый из них удвоен — или непосредственно, или синонимически, а сама градация, таким образом, приобретает синтаксически и эмоционально усиленный вид.

«В самом деле Кирсанов уже больше двух лет почти вовсе не бывал у Лопуховых. Читатель не замечал его имени между их обыкновенными гостями, да и между редкими посетителями он давно стал самым редким» (гл. III, разд. VII, с. 146).

Все рассмотренные случаи употребления в тексте «Что делать?» интересующих нас слов являются периферийными. Главные смысловые сдвиги в значениях этих слов совершаются в процессе авторской «игры» самими оценками, а они связаны в романе прежде всего и главным образом с характеристикой группы центральных героев в целом и каждого из них в отдельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чернышевский Н.Г. «Что делать?» / Н. Г. Чернышевский // Полн. собр. соч. в 10-и т. – Т.9 – С-Петербургъ. – 1906 – С. 1–317.
2. Алексеев Н.А. Комментарии к журнальной редакции «Что делать?» / Н. А. Алексеев // Чернышевский Н. Г. Что делать?. – М., 1957.– С. 358–367.
3. Бахтин М.М. Эпос и роман / М. М. Бахтин // Вопросы литературы, 1970.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М., 1974.
5. Бландова Н. Г. Композиционно-стилистические и языковые особенности «снов Веры Павловны» // Русский язык в школе. — 1974. — № 6.
6. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М., 1993.
7. Водовозов Н.В. Вступительная статья к роману «Что делать?» и комментарии к роману / Н. В. Водовозов // Чернышевский Н. Г. – М., 1980.
8. Верховский Г. О. О романе «Что делать?» / Г. О. Верховский. – Ярославль, 1959.
9. История русской литературы – М. Л, 1956. – Т. 8.
10. Каплан И. Е. Опыт анализа языка главы «Особенный человек» (роман «Что делать?») / И. Е. Каплан // Вопросы преподавания русской литературы в национальной школе. — М., 1972. — С. 168—186.
11. Курдюмова Т. Ф. Изучение художественных особенностей романа Н. Г. Чернышевского в курсе девятого класса средней школы // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, — 1961, — № 175. — С. 57—78.
12. Лебедев А. А. Герои Чернышевского / А. А. Лебедев. – М., 1962.
13. Лебедев А. А. Разумные эгоисты Чернышевского / А. А. Лебедев. — М., 1973.
14. Липеровская С. И. Идеино-художественное значение снов Веры Павловны в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / С. И. Липеровская // Изучение художественного текста в школе. — М., 1956. – С. 87–100.
15. Рейсер С. А. Примечания к тексту романа «Что делать?» Н.Г. Чернышевского / С. А. Рейсер. – Л., 1975.

Чеченский государственный университет
Уздеева Т. М., доцент кафедры отечественной и мировой литературы
E-mail: yzdeeva@mail.ru

Chechen state university
Uzdoyeva T. M., Associate Professor of the National and World Literature Department
E -mail: yzdeeva@mail.ru